

1

Остынут боевых коней копыта.
Отговорят приказы батарей,
Замолкнет горе, глубоко сокрыто,
Не будет слез на лицах матерей.
Прорежут лоб глубокие морщины,
Рожденные великою тоской,
Луна и солнце глянут на равнины
И крови не найдут на них людской.
Изрытые снарядами воронки
Сровняют ветры и прилежный плуг,
И снова лист зазеленеет тонкий
Там, где огонь войны пылал вокруг.
Могилы на полях былых сражений
Холмами станут, прорастут травой,
О, сколько расцветет их в день весенний —
Могил, курганов славы боевой!

2

Ты, наш потомок, на дорогу выйдешь,
Сквозь толщу лет посмотришь на поля,
Слегка прищурив взор, и ты увидишь,
Как отдыхает от войны земля.
Свой стих ты уподобишь, друг далекий,
Густому, долголетнему вину,
Но будут не похожи наши строки:
Ты не прошел, не пережил войну.
Ты будешь хорошо писать.
Ну что же! Из-под снарядов шлю тебе привет.
Пускай твой звонкий стих, с моим не схожий,
И здравствует и восхищает свет.
А я топчу военные дороги
В шинели серой, данной мне войной.
Несу я в сердце этих дней тревоги.
И солнце рдеет кровью надо мной.
Над юными, над павшими в сраженье,
Скорбя, склонялась песнь моя, как мать,
Мой стих в бою постиг свое служенье,
Умел он горевать и поднимать.
Я слышал стон, предсмертный стон солдата,—
Прошла, не повторится та беда.
Рыданья матери, отца и брата
Прошли, не повторятся никогда.
Не повторятся... Средь пути степного

Я видел тех, кто, бросив свой очаг,
Шли в горе на восток... Но это снова
Не повторится: уничтожен враг!
Сосну я помню у речной излуки:
Лишенная ветвей, смотрела вдаль,
Полна печали, как боец безрукий,
И человечья то была печаль.
Я видел, как висел француз-рабочий,
Фашистами задушенный в петле,
Как в Бельгии блуждали тени ночи
По древней, окровавленной земле.
Я не забуду старика еврея,
Убитого под хохот палача,
Как падали, от страха цепenea,
Младенцы под ударами бича.
Я с ними вместе шел одной дорогой,
Под пулями слагал я слабый стих.
Над ним не смейся ты, ценитель строгий,
К тебе летит он — ветер дней моих.

1941—1942